

Людмила Проскурина

СОЛНЦЕ СВЕТИТ ЖИВЫМ

...Пожилые люди живут воспоминаниями. И этот — тоже. Он родился в царской России, в его памяти остался Томск начала двадцатого века: тайные маевки, демонстрации рабочих железнодорожных мастерских, забастовки наборщиков типографии. Помнит, как вошло в жизнь новое слово «Советы», какой переполох был в городе: Совет распустил Сибирскую думу! Память навсегда сохранила весну 1919 года. Тогда город захватили белогвардейцы. И конец этого же года, когда на улицах и площадях вновь заалели красные флаги.

В Великую Отечественную он воевал, затем восстанавливал разрушенное войной хозяйство, много и честно работал. В 65 лет ушел на пенсию, но по-прежнему встречался с молодежью, рассказывал о войне. Она оставила самые тяжелые воспоминания. Иногда кажется: нельзя помнить ее так долго, ведь ему уже 84-ый год. А можно ли это забыть?

Ненаписанное письмо

В молодости он был очень сильный. Мешок картошки, муки одной рукой запросто поднимал. На спор и подковы

гнул, пятаков, правда, не ломал, но встанет во весь рост — вылитый Илья Муромец. «Тебе, Леонид, в окопе на коленях стоять надо,— говорили бойцы.— Не то сшибут ненароком голову...» Ефимов на шутки реагировал спокойно. Лишь одна-единственная была ему против души. Когда приносили почту, бойцы со всех сторон обступали письмоношу. Раздав корреспонденцию, почтальон всегда говорил: «А тебе, Ефимов, пишут...» И эта фраза — как ножом по горлу. Писать Ефимову было некому: ни отца, ни матери, ни жены, ни детей, а годы уже за сорок перевалили. Иногда вдруг у него появлялось желание самому написать письмо, хоть кому-нибудь написать, что, мол, есть такой человек — Леонид Николаевич Ефимов, который не жалея жизни, бьет фашистских гадов. Он все представлял, какое это будет письмо. Длинное, наверное, размером в школьную тетрадь.

Хотел начать с детства, проведенного в Томске, описать церковно-приходскую школу, попа с его «законом божьим», вечно пьяного отца, ломового извозчика, допившегося до белой горячки, забитую жизнью и отцом мать, годами занятую стиркой на господ. Думал, что напишет и про комнатушку, которую снимали, упомянет угол в этой комнатухе, где по воле матери приходилось стоять на горохе, если он, конечно, имелся в доме. И обязательно про отцовского «воспитателя» — про ремень, висевший на самом видном месте. И несколько строчек в письме отдаст густо посоленному ломтю черного хлеба, аппетитно булькающему в печи чугунок вареной картошки.

Но, подумав, решил, что писать этого не стоит. Надо начинать с побега из дома, с работы на землечерпалке, дружбы с матросами. А еще лучше с января 1920 года, когда девятнадцатилетним пареньком был он мобилизован в ряды Красной Армии, попал на курсы красных командиров, стал командовать кавалерийским взводом. И очень подробно необходимо написать о флоте Енисейского пароходства, где довелось ему работать после армии и матросом, и рулевым, и помощником капитана.

А с 1933 года стал он капитаном технического парохода «Стрела». Ефимова знали на всем протяжении Енисея от Большого порога до Диксона, говорили о сильной его привязанности к реке. Друзья подшучивали: что, мол, не женишься, Леонид, боишься, спишет баба на сушу? Ефимов не обижался, неизменно отвечал: женщина на корабле — к несчастью. Так и не успел жениться до войны, ушел на фронт, не видя женских слез. Друзья получали письма от жен,

он — нет. Потому и не любил тот момент, когда приносили почту. А письмо, которое он всю войну собирался написать, так и осталось ненаписанным...

Клятва у колодца

В истории Великой Отечественной войны 5 августа 1943 года — дата особая, поскольку в этот день в Москве раздался, наконец, первый артиллерийский салют. Родина приветствовала своих защитников, освободивших Орел и Белгород. Сводки Советского Информбюро теперь постоянно приносили радостные вести. 23 августа фашисты были выбиты из Харькова, спустя неделю красные флаги взвились над Таганрогом. В начале сентября воинов-освободителей приветствовали Сумы и Мариуполь, в середине — Чернигов и Нежин. От него до Днепра оставалось сто километров, судьба левобережной Украины уже предрешена, наступление советских войск развернулось по всей ее территории. Тщетно силился Гитлер остановить русских «перед Днепром на линии, проходящей через Полтаву». Сдержать мощный натиск советских войск немцам оказалось не под силу, они вынуждены были отступать, применяя тактику выжженной земли. Единственная мечта, которая лелеялась в это время вермахтом, была мечта о плацдармах на правом берегу Днепра. Единственное, во что верили солдаты вермахта, так это в неприступность своего Восточного вала. По мнению немцев, «Днепр... его большая ширина, низкий восточный берег и высокий крутой западный... должны были стать непреодолимым барьером для русских».

Эти мысли и чаяния, безусловно, прекрасно знало Верховное Главнокомандование, принимавшее со своей стороны все для того, чтобы с ходу форсировать Днепр, быстро и прочно укрепиться на его правом берегу, не дать врагу возможности для принятия каких-либо радикальных мер. Форсирование Днепра на большой территории осуществлялось силами нескольких фронтов. Один из них — Воронежский — нацеливался на Киев, поэтому Ставка Верховного Главнокомандования усилила его 3-ей гвардейской танковой армией генерала П. С. Рыбалко. В составе этой армии служил Родине помощник командира взвода автоматчиков танкового десанта Леонид Николаевич Ефимов.

— Боевое крещение принял я под Сумами, — вспоминает Л. Н. Ефимов. — Бой этот в сводках не фигурировал, имел местное значение, а в память врезался навечно. Они же

красивые, украинские села... До войны в кино видел: хатки побелены, вишни цветут, девушки, что наливное яблоко. А тут...

Отступая, в неистовой злобе фашисты рьяно выполняли приказ Гиммлера: «Необходимо добиваться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая бы не была выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен».

Деревня полыхала с обоих концов. Два тяжелых танка ворвались в нее со стороны поскотины. Немцы этого не ожидали, по-прежнему перебежали от дома к дому, обливая углы керосином, и красное зарево в момент охватывало строения. Фашистам помогал небольшой ветерок: срывая с хлевов горящие соломенные крыши, переносил огонь на соседние. Казалось, что от огня вот-вот разверзнется земля, треснет, как при землетрясении и проглотит весь этот дым и чад. От некоторых изб остались торчать одни печные трубы. Другие крепились из последних сил, но огонь был сильнее — рушились балки, валились наземь крыши. Какие-то минуты видел эту ужасающую картину Ефимов, а сердце забилося чаще и чаще. Когда раздалась команда: «К бою!», он уже строчил из автомата.

— Я готов был руками душить этих гадов, такая злоба кипела во мне. Ну, думаю, в порошок сотру нечисть эту поганую, ногами растопчу, чтоб не ожила чудом...

Фашисты отстреливались, занимая удобные позиции в уцелевших домах. В ход пошли гранаты. Они-то и заставили фрицев замолчать. Выстрелы раздавались все реже и реже, бой подходил к концу. Тревога охватила Ефимова: «А люди, где ж люди, что жили в этих домах? Неужто всех расстреляли?» И ему вдруг представилось, как они, эти люди, надеялись на помощь. Ему даже показалось, что он слышит их голоса: «По-мо-ги-те-е!!!»

«К сараю!» — приказал командир. И он побежал вместе со всеми, еще не понимая, что крик о помощи был не галлюцинацией, а явью. Двери сарая подпирали громадные бревна. Для страховки фашисты задвинули еще и большущий засов. Огонь уже весело плясал свой танец смерти. Душераздирающий крик «Помогите!» набатом звучал в ушах.

— Поберегись!— кричал Ефимов, хватаясь за очередное бревно. Пока он справлялся с ними, автоматчики выбили засов. Двери под напором рвущихся на свободу людей распахнулись. И те, кто уже был почти схвачен рукою смерти, ринулись к выходу. Они будто обезумели от неожиданно пришедшего спасения. Не обращая внимания на своих освободителей, толпа бросилась к колодцу. Вырвавшись из огня, колодезной водой люди хотели, наверное, остудить свое тело. Но, странное дело, никто из подбежавших к колодцу не схватился за журавль, не поспешил зачерпнуть спасительной прохлады. Несколько женщин, первыми прибежавшие к колодцу, бездыханные упали возле него. Другие ползали вокруг сруба, стоя на коленях, посылали проклятия Гитлеру. Вопли и стоны, слезы и горе перекосили лица людей: стеклянными глазами глядела на происходящее потерявшая рассудок пожилая женщина. Безутешно рыдала чья-то старая мать. Двое мужчин пытались удержать от дурного помысла молодницу, порывавшуюся прыгнуть в колодец.

— Нет у меня слов,— говорит Л. Н. Ефимов,— которыми можно было бы описать ту сцену...

Под рукой у фашистов не оказалось яда, способного отравить, как того требовал Гиммлер, воду в колодце. И они решили бросить в него убитых детей. Извергов согревала мысль о том, что трупный яд все-таки отравит воду...

Автоматчики вынули из колодца 23 обезображенных трупа, положили их на многострадальную землю Украины и поклялись отомстить за невинно пролитую детскую кровь, за горькие слезы оставшихся в живых матерей.

Их оставалось только трое...

Советские войска гнали фашистскую нечисть к Днепру. С 19 сентября 1943 года наступление нашей армии резко возросло, что, естественно, сказалось на ослаблении сопротивления со стороны немцев. Широкой полосой двигался к реке Воронежский фронт. Его третья гвардейская танковая армия преследовала фашистов в полосе до 70 километров. Буквально хватали фрицев за пятки передовые отряды армии. И хотя им приходилось действовать в отрыве от основных сил, они уверенно продвигались вперед. 21 сентября, одержав еще одну победу, разведывательный отряд армии вышел к берегу Днепра. Танки тотчас были замаскированы, приготовлены для ведения огня. Здесь на участке Монасты-

рек-Зарубинцы в районе букринской излучины планировались форсирование Днепра, захват правобережных плацдармов.

Под прикрытием ночи было решено переправить на противоположный берег небольшую группу, поручив ей выбить фашистов из села и держать плацдарм до последней капли крови. Когда командир батальона объявил, что возглавлять добровольцев будет Ефимов, Леонид Николаевич стиснул зубы: «Ну, держитесь, сволочи... Расквитаюсь за колодец».

Добровольцев оказалось слишком много. Из них Ефимов сам отобрал 10 человек. Выбрал спокойных, несуетливых, способных в критический момент ради общего дела пожертвовать собой, тех, с кем не раз приходилось быть на волосок от смерти.

Поздно вечером пришли два проводника из партизанского отряда, действовавшего в местных лесах. Один должен был привести к месту, где спрятана лодка. В обязанность другого входила переправа группы. К лодке шли молча. Каждый думал о своем. И только молодой партизан, с которым предстояло плыть через Днепр, вполголоса объяснял:

— Днепр — это Днепр, не какая-нибудь там Переплюиха. Николай Васильевич Гоголь, он его, считай, на весь мир прославил.

И паренек продекламировал:

— Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелхнет, ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идет или не идет его величаявая ширина, и чудится, будто весь вылит он из стекла, будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьется по зеленому миру...

«И впрямь красотища,— подумал Ефимов,— но Енисей не хуже».

Паренек продолжал:

— Редкая птица долетит до середины Днепра. Пышный! Ему нет равной реки в мире...

Темная ночь надежно скрывала правый берег. Даже на глазок невозможно было определить ширину реки. И это сильно беспокоило Ефимова. Лодка могла взять 3—4 человека, не более. Остальные переправятся вплавь. За себя он, конечно, спокоен, Енисей закалил. А как другие?

В унисон его мыслям звучал голос паренка:

— Нет ничего в мире, что бы могло прикрыть Днепр. Синий, синий, ходит он плавным разливом и середь ночи,

как середь дня; видел за столько вдаль, за сколько видеть может человеечь око...

«Молодец парень,— подумал Ефимов,— шпарит, как артист».

Подошли к условленному месту, где была спрятана партизанами лодка, вытолкнули ее на воду, потом сложили автоматные диски, гранаты, два ручных пулемета, еще кое-что. Ефимов спросил:

— Кто сядет в лодку?

Ответа не последовало. Все намеревались форсировать Днепр вплавь, надеялись на собственную силу. Проводник еще и пошутил:

— Не садись, ребя. Гоголь как писал: «Кто из казаков осмелился гулять в челне в то время, когда рассердился старый Днепр?»

Старший сержант приказал троем, стоящим рядом с ним автоматчикам, садиться в лодку.

— И ты, лезь туда же,— сказал он проводнику,— на том берегу немцам про Днепр расскажешь.

Паренек смутился, но приказа не послушался. Прощались по-мужски. Командир роты и командир взвода, провожавшие группу, обняли каждого, крепко пожали руки, и, взяв под козырек, скрылись в ночной темени. Нагруженная лодка тихо отошла от берега. Вслед за нею вошли в воду Ефимов и остальные автоматчики. Договорились плыть недалеко друг от друга, стараясь не терять из вида лодку. Река часто освещалась ракетами, и это могло испортить все дело. Немцы могли засечь лодку, тогда ни о какой переправе не велось бы и речи, перестреляли бы, как мокрых котят.

Почувствовав усталость, автоматчики подплывали к лодке, хватались за борт, отдыхали. Несколько раз сидящие в лодке предлагали поменяться ролями, но каждый раз желающих среди пловцов не оказывалось, и это радовало Ефимова. «Крепкие мужики,— думал он,— хоть и не сибиряки». Последняя передышка была несколько длиннее предыдущих. Во-первых, в темноте уже просматривался берег, неизвестно каким сюрпризом мог встретить он группу. Во-вторых, в лодке появилась течь. Надо было срочно вычерпать воду, определить место, откуда она поступала. В ход пошли каски, дыру обнаружили.

Ближе к берегу опасность быть замеченными увеличилась. То и дело взмывали в небо ракеты. Хорошо слышалась канонада, это другие части танковой армии, переправившись через Днепр, уже вели бой.

На берегу все подчинялись проводнику. След в след за ним шел Ефимов, после него — группа. Голоса в ночи слышались совсем рядом, заставили остановиться и прислушаться. Речь казалась какой-то бессвязной и непонятной, будто всхлипывал кто-то, а, может, смеялся, прятал смех. Но чувствовалось: людей немного. Ефимов молча вынул нож. То же самое сделали и другие. Знаком старший сержант отдал приказ окружить и уничтожить. Автоматчики быстро образовали кольцо, но чем теснее сужалось оно, тем разборчивее стансвилась речь.

— Да это же хохлы, на украинском же говорят, — шепнул Ефимову проводник.

Действительно, окруженными оказались местные жители. Двое мужчин вызвались пойти с автоматчиками, вывести их на немецкие посты, показать дома, где квартируют фашисты.

Уроки детства не проходят даром. Пробираясь задками в село, бойцы бесшумно перескакивали через плетни, короткими перебежками брали расстояния от бани до риги. Группу Ефимов разбил на три, в каждой теперь был свой проводник. Без единого выстрела сняв часовых, Ефимов и четверо солдат подкрались к указанному проводником дому. Тотчас раздался взрыв. Почти одновременно взлетели в воздух еще два дома — то сработали вторая и третья группы. Перепуганные фашисты удирали к лесу, откуда только что пришли автоматчики. Стрельбу вели беспорядочную, надеясь, видимо, скосить ею преследовавших бойцов.

На рассвете в деревне то там, то здесь раздавались одиночные выстрелы. Это удачно спрятавшиеся немцы огородами пытались удрать в лес, но сделать это удалось далеко не всем. Потом на некоторое время в селе установилась тишина. Такая тишина, что от нее звенело в ушах. Нарушил ее неизвестно откуда взявшийся петух. Вспомнив, наконец, о своих обязанностях, он известил о начале нового дня. По всему было видно, что день обещал быть жарким.

В штаб батальона с донесением Ефимов отправил гонца. Заткнув дыру в лодке, ему предстояло еще раз переплыть Днепр. Остальные, собрав трофеи, которых, кстати, оказалось много, стали готовиться к обороне, рыть окопы. Помешали женщины, вскоре после боя прибежавшие к воинам. Оторвав от детей, они принесли кто хлеба, кто молока, кто яиц. И все это совали бойцам в руки, плакали. Ефимов, стараясь придать голосу серьезность, без оттенка какой-либо снисходительности, распорядился:

— Товарищи женщины! Убедительно прошу вас — уходите за деревню, к обрыву. Этот концерт не для вас.

Женщины послушались, ушли. Встало солнце. Никто из присутствующих не знал, увидит ли его завтра. Об этом не думали, у каждого на войне было свое дело, своя работа. Как только солнце поднялось над горизонтом, от недавней тишины и следа не осталось. Монотонный гул самолетов смешался с разрывами бомб. Немцы громили переправу. Было видно, как самолеты заходили на цель, падали, падали бомбы. Зарубинцы полыхали, то и дело вздрагивая от очередной разорвавшейся бомбы. Полчаса назад красивое украинское село представляло теперь груды развалин. Со стороны соседней Григоровки к Зарубинцам направлялся немецкий отряд. Не заметить его было невозможно. Фашисты шли стройными шеренгами, чеканя шаг и держа наготове автоматы.

— Жаль, барабана не хватает, — съехидничал Ефимов, — а то прямо психическая атака.

Бой был жестоким. Никого не приходилось подбадривать, убеждать, что с клочка этой советской земли обратного хода нет. Несмотря на то, что боеприпасов было много, старший сержант, будто чувствуя, что первый бой — не последний, огонь открывать приказал по команде. Минут через тридцать, напоровшись на шквальный огонь, фашисты отступили, не забрав трупов. Ефимов подумал: «Вернутся». Через некоторое время фрицы, опять шеренгами, опять наготове автоматы, вновь пошли в атаку. Ее отбили. Так продолжалось весь день, от восхода до заката солнца: атака — отбой, атака — отбой, атака — отбой.

Оставшиеся в живых шесть человек еле держались на ногах, но по приказу Ефимова вновь и вновь занимали свои огневые позиции. Немцам, видно, тоже было не сладко, и к вечеру они немного поуспокоились. Ночь прошла в бесконечной тревоге. Взлетали ракеты, гремели поблизости пушки. Ефимовские бойцы спали по очереди, но до утра немцы не сунулись. Опять взошло солнце, но двое из шестерых видели восход в последний раз. Солнце, как известно, светит живым. В то утро те двое были еще живы, а после первой атаки их солнце погасло навсегда. В следующей — тяжело ранило Ефимова. Он ругался, кричал, что даже мертвый будет бить фашистов. Сапог наполнился кровью. Его разрезали, сняли, перевязали ногу.

Вчетвером они отбили несколько атак. Боеприпасы кончались, вся надежда на немецкие гранаты, взятые в деревне

в качестве трофеев. Ефимов, измученный болью, усталый и злой, бросал их одну за другой, приговаривая: «Не рой другому яму, не рой другому яму...» Договорить до конца, что, мол, сам в нее угодишь, не успел: при артобстреле отлетевшим осколком ему раздробило челюсти. Захлебываясь кровью, он упал навзничь рядом с только что убитым солдатом. «Нас еще трое, трое, трое», — пульсировало в его голове. Потом перестало. А солнце по-прежнему светило только живым.

Вновь продолжается бой

Потекли однообразные серые будни, бесконечные переувязки, утомительные процедуры, ежедневные обходы врачей. Жизнь в госпитале Ефимову не нравилась. И как только он почувствовал в себе силы, стал изводить начальника: «Скоро ли выпишут?» Ответ подполковника Бойко был всегда однозначен: «Потерпи, герой, хватит и на твою голову заварухи...» Он всех раненых, форсировавших Днепр, называл героями. Бойко самолично читал им вслух статью из «Правды», где было написано: «Сражение за Днепр приняло поистине эпические размеры. Никогда еще не выделялось из множества храбрых советских воинов столько сверххрабрых». Потом, когда ему стало известно, что Ефимову действительно присвоили звание Героя Советского Союза, он довольно потер руки: «Ну, что я говорил?» Теперь у него с Ефимовым ежедневно происходили дебаты. Старший сержант, считая, что вполне здоров, рвался в свою часть. Подполковник же, с первого дня наблюдавший ход выздоровления, ни на какие уговоры не поддавался. Его неизменное: «Потерпи, герой», — просто выводило Ефимова из себя. Но в начале 44-го года они все же распрощались. Старший сержант, уходя из госпиталя, дружески подмигнул подполковнику, подумав про себя: «Все, эскулап. В твои руки больше не попадусь».

К Бойко он действительно больше не попал, а вот других медиков не миновал, еще дважды оказывался на госпитальных койках. После очередного ранения службу уже продолжал в войсках НКВД по охране тыла 1-го Украинского фронта. Это было на территории Польши. После оккупантов здесь осталась широкая сеть агентуры разведывательных органов противника, которая при каждом удобном случае старалась напакостить Красной Армии. Ее поддерживали и польские националисты, по-прежнему мечтавшие об эмиг-

рантском польском «правительстве». Это правительство, проживающее в Лондоне, являлось центром подрывной деятельности против революционно-освободительного движения польского народа. Шпионажем и диверсиями на территории Польши занималась также и агентура, забрасываемая противником в наш тыл на парашютах. Вот в таких условиях и нес свою службу командир взвода автоматчиков Леонид Николаевич Ефимов.

И впоследствии, уже после войны, когда Героя Советского Союза приглашали на встречи, всевозможные вечера воспоминаний, просили рассказать о войне, он мало говорил о Днепре, больше о службе в войсках НКВД. На многих из этих встреч присутствовала и жена Леонида Николаевича — Антонина Никитична. Поженились они буквально в последние дни войны. Военврач Антонина Валова оказалась той женщиной, которая «списала» на берег капитана-речника.

После войны по направлению Антонины Никитичны супруги уехали в Туву: новая советская республика нуждалась в медиках. У Леонида Николаевича здесь появилось много друзей, в лицо знал почти всех сельских руководителей: работал начальником отдела кадров областного управления сельского хозяйства. Крепкую дружбу завел с пограничниками. Желанным гостем приходил в подразделения пограничного отряда. Не одно поколение пограничников добрым словом вспоминает своего наставника, хранит фотографии, где запечатлены рядом с Героем Советского Союза.

Как-то однажды зашел он в отряд навестить старого приятеля. В аллее его догнали молодые парни, только что призванные на службу. Уже наслышанные об этом человеке, они попросили рассказать о подвиге, за который его удостоили звания Героя Советского Союза.

— Не совершал я подвига, ребята,— ответил Ефимов.

Парни были просто обескуражены: «Как не совершал?» Даже Антонина Никитична, бывшая в этот момент с мужем, и то растерялась. Пришлось ей самой рассказывать о том, как воевал Ефимов, какие награды имеет, как держал оброненный в Зарубинцах. Она волновалась, поэтому, видимо, неожиданно взяла Ефимова за руку и показала на палец.

— Это он за языком ходил, под Бугом. Немца взяли, Ефимов, довольный, не заметил, как пуля палец пробила. Потом видит, кровь ручьем льет, палец будто на веревочке болтается. Отхватил его ножом, чтоб не мешал...

В те минуты она готова была стащить с Ефимова и плащ, и пиджак, и рубашку, показать ребятам в рубцах и шрамах

тело мужа, до того расстроилась. Дома Леониду Николаевичу досталось по первое число.

— Тебя как отца, как деда попросили... Сел бы на скамеечку да и рассказал бы по-домашнему, по-семейному... А ты... Привык к трибунам,— выговаривала Антонина Никитична,— без президиума не можешь...

— Да не шуми ты, Тоня,— спокойно сказал Леонид Николаевич. И, не обращая внимания на слова жены, помолчав, добавил:

— Не мог я... Застряло будто что в горле... Гляжу на них, дети еще... А перед глазами вдруг те, с кем через Днепр плыл. Они меня батшкой звали... Все молодые, только я в возрасте был... Вот говорят, что время лечит, оно лучшее лекарство. Ты хоть и врач, но я все равно тебе скажу — от войны оно не лечит, с годами острее становится боль. Ее словом не передашь, ее прожить надо. Начну рассказывать о Зарубинцах, чувствую, сердце заходится, будто вновь продолжается бой.

— Что ты, Лёня,— взволнованно начала Антонина Никитична,— что ты! Столько лет прошло...

Леонид Николаевич сидел в кресле, поглаживая простреленную под Скалатом руку.

— Болит, Леня?

— Болит, Тоня, очень болит...

